

ДОСЬЕ

Зураб Константинович ЦЕРЕТЕЛИ

Родился 4 января 1934 года в Тбилиси (Грузия). Президент Российской Академии художеств. Президент Международного фонда содействия ЮНЕСКО. Президент Международного центра дизайна. Герой Социалистического Труда – 1991 г. Народный художник Российской Федерации – 1994 г. Народный художник Грузии – 1978 г. Народный художник СССР – 1979 г. Лауреат Ленинской премии – 1976 г. Дважды лауреат Государственной премии СССР – 1978, 1983 гг. Лауреат Государственной премии России – 1996 г. Действительный член Российской Академии художеств – 1989 г. Профессор. Профессор Юброкпортского университета изящных искусств (штат Нью-Йорк, США) – 1979 г. Лауреат Премии Пикассо – 1994 г. Кавалер ордена "За заслуги перед Отечеством" III степени – 1996 г. Кавалер ордена Дружбы народов – 1994 г. Живописец – написал более двух тысяч живописных полотен.

Творчество Церетели привлекало пристальное внимание великих художников-современников.

Сергей КОНЕНКОВ:

"Зураб Церетели – замечательный художник. Его произведения несут людям радость, счастье познания прекрасного. Силой творческого таланта, безграничной фантазии и воображения он создает неповторимые произведения искусства. Они искрятся, как бриллианты, переливаются всеми цветами радуги, сверкают, как лучи солнца, падающие на землю... Синтез изобразительного искусства и архитектуры – это будущее нашего искусства. Я очень ценю художника Церетели, верю в него".

Альфред СИКЕЙРОС:

"С большой пластической силой и творческой фантазией Зураб Церетели постигает сложную технику настенной росписи. Я утверждаю, что он вошел в необъятные просторы искусства будущего, искусства, сочетающего скульптуру с живописью. Творчество Зураба Церетели вышло из национальных рамок и приобретает международное значение".

Марк ШАГАЛ:

"Живопись для Зураба Церетели – начало всех начал".

Пабло ПИКАССО:

"У этого молодого художника Зураба замечательно начало. Он прекрасно чувствует цвет, обобщает форму. Я вижу в нем будущего великого живописца. В его работах хорошие традиции, полученные от Пиромани. А Пиромани был одним из тех, кто помог мне, когда я был молодым художником".

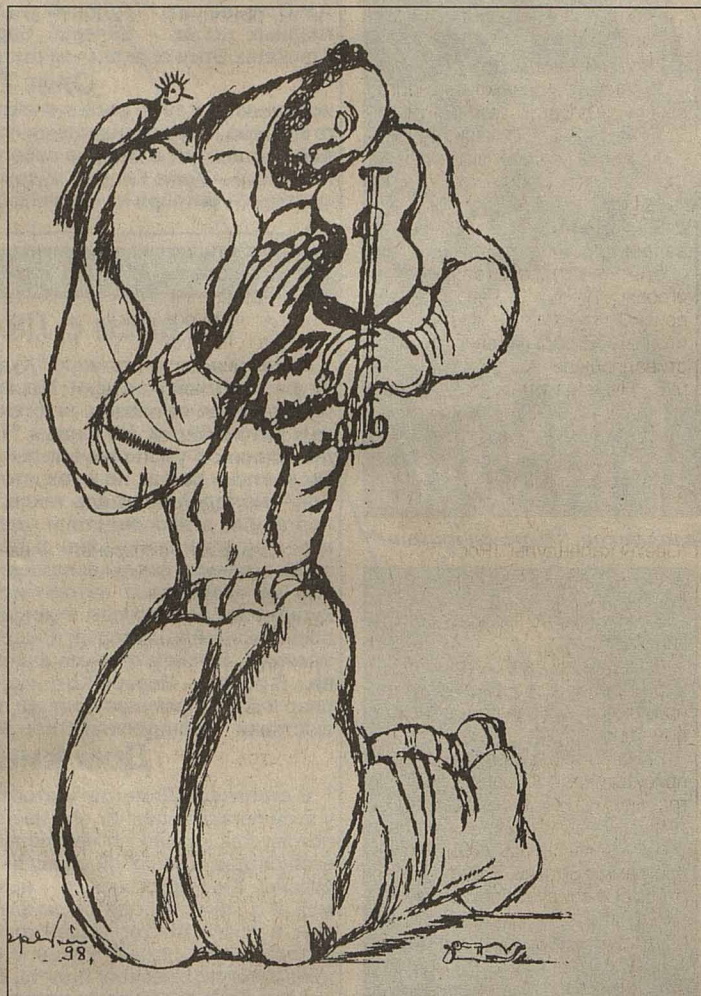
Сальвадор ДАЛИ:

"Благодарю Вас за предложение сделать роспись в ООН вместе с русским художником Зурабом Церетели. Это счастливое знакомство с грандиозным мастером, в котором соединяются таланты художника и организатора. Это придает двойную энергию всем произведениям и начинаниям Зураба".

(Из письма Курту Вальдхайму).

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ:

Есть только миг между прошлым и будущим

– Зураб Константинович, как то даже в голове не укладывается, что в понедельник открывается ваша первая персональная выставка в Москве. Кажется, что у Церетели их было множество...

– Да, персональная – первая. За тридцать лет жизни в Москве я, конечно, участвовал во многих выставках, но персонально с живописью и графикой не выставлялся. Как-то не сложилось. Были выставки в США, Франции, Бельгии, Португалии, Турции, других странах, а в Москве впервые. Потому, честно говоря, очень волнуюсь. Вообще-то по образованию я ведь живописец. Окончил Тбилисскую академию художеств. В те времена это была прекрасная школа. Ее создали замечательные мастера В.Шухаев, И.Шарлемань, У.Джапаридзе, А.Кутателадзе и другие. Тбилиси по своему художественному климату всегда отличался от северных столиц. Этот климат был хоть немного, но мягче. Некоторые из наших учителей после войны вернулись из эмиграции. Тогда вдохновенные роли СССР в победе над фашизмом на Родину стали возвращаться эмигранты. В Москве и Ленинграде им жить, конечно, не позволяли. Так что Тбилиси оказался для них в некотором роде южной ссылкой. Довольно мягкой, но все же... Однако талант есть талант, мироощущение, широта художественного кругозора – всего этого у них никто отнять не смог. И они создали в Тбилисской академии художеств настоящий центр искусств. В нашу Академию съезжались одаренные ребята со всего Кавказа, здесь царил потрясающий, ни с чем не сравнимый дух творчества, художественного братства и очень высокой требовательности к самому себе и друг к другу.

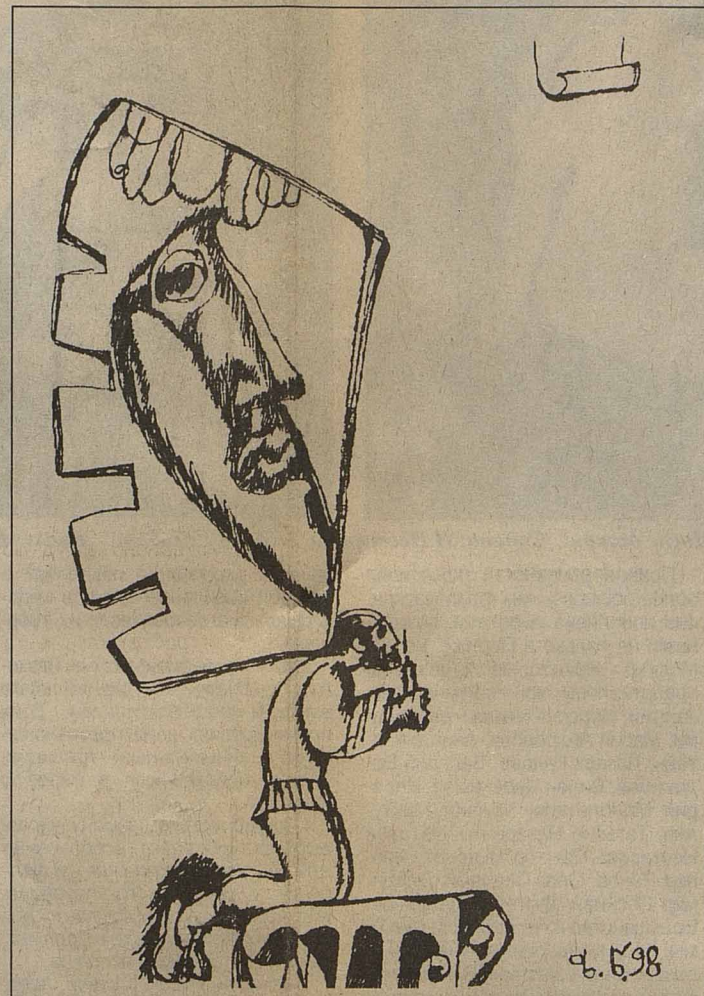

Вверху: графика 1998 г. Внизу: "Натюрморт. Амедео Модильяни" (слева), "Портрет Омара Супаташвили" (в центре), "Натюрморт с красками и кистями" (справа)

Вообще, знаете, в нашей профессии хорошая школа играет огромную роль.

– Но ведь, кроме профессиональной школы, существует еще и школа жизни, в которой, как известно, не бывает каникул. Как проходили эти университеты?

– С этим, как я сейчас понимаю, мне повезло. Так случилось, что в молодости я увлекся археологией и этнографией. Это много чего дало в мой внутренний мир, повлияло на то, что не оставляет меня всю жизнь – потребность в объемной пространственной композиции. Здесь, наверное, очень важной оказалась моя встреча с П.Пикассо. Именно тогда, при его помощи, я понял, что художник может все. В Париже я прошел потрясающий курс – развития фантазии. Я понял, что допустимо все, любая фантазия, главное – чтобы это было талантливо, главное – не

бить по рукам. Соцреализм создавал стандарт мышления. Половина моей творческой жизни прошла в период бесконечной борьбы со всякими "формалистами". А на поверку оказалось, что действительными формалистами являлись сами главные борцы. Все эти руководители и преподаватели художественных вузов, готовые ломать через коленку молодых талантливых ребят, чтобы превратить их в старательных копиистов. Мне очень повезло: в моей жизни были встречи с Шагалом, Дали, Сикейросом. Я учился у них многому, но прежде всего тому, что нужно делать свое дело так, как ты его понимаешь, не забывая себе голову мыслями о том, что скажут будущие критики.

– В этом причина олимпийского спокойствия в тот период, когда вокруг вашего монументального творчества в Москве раз-

вернулась ожесточенная критическая кампания?

– О каком спокойствии вы говорите? Я очень волновался и переживал, читая все эти публикации. В них было множество передержек, вымысла, поспешных и явных клевет. Но что я должен был делать? Бежать по редакциям, по судам, требовать опровержений, возмещений морального ущерба? На это нет ни времени, ни желания. На протяжении всей творческой жизни я придерживался твердой уверенности, что у каждого своя стезя: у художника – своя, у критика – своя. В самом названии профессии заложена необходимость критиковать. Я с интересом читаю статьи серьезных искусствоведов, очень часто эти хорошо образованные и обладающие вкусом люди замечают то, чего не видит сам художник. Но истинных критиков, как, впрочем, и истинных художников, так мало. В том же, что вы назвали "ожесточенной критической кампанией", эстетическая составляющая была ничтожно мала. Как заметил Ю.Лужков, это была, скорее, кампания политическая, направленная против московского мэра и инспирированная его противниками и оппонентами. Мое творчество было поводом, а не целью. Это понимал я, это понимал и Ю.Лужков. Слава Богу, он умный и благородный человек. Кампании приходят и уходят, а произведения искусств остаются. Для меня, например, весьма символично, что пронесшийся над Москвой ураган, натворивший столько бед, не тронул ни Петра, ни комплекса на Поклонной горе, ни крестов на храме Христа Спасителя.

Что же касается серьезной художественной критики, то я как раз считаю, что ее в нынешние времена существенно не хватает. Очень мало искусствоведческих трудов, осуждающих и анализирующих современную художественную процесс. Мне бы очень хотелось, чтобы наша Академия, кроме всего прочего, стала крупным искусствоведческим центром, очень хотелось бы способствовать созданию серии научных трудов Российской академии художеств, организовать серьезный, красивый художественный журнал. Надеюсь, что сил и времени на это хватит. Рассчитываю в этом деле и на помощь вашей весьма авторитетной и уважаемой газеты.

– Вам повезло с Учителями. А нет желания самому стать Учителем, создать свою художественную школу?

– Я не уверен, что главная жизненная задача художника заключается в создании собственной школы. Это может случиться или не случиться. Думаю, что очень важно свободное творческое общение, обмен мнениями. Надеюсь, что скоро смогу на один день в неделю открыть свою мастерскую на Большой Грузинской улице для всех желающих. Особенно рассчитываю на приход одаренных детей. Что бы ни происходило, что бы ни говорили вокруг – Россия счастливая, талантливая страна, с огромным количеством одаренных людей. Творческий импульс всегда исходил из России. И мы не имеем права дать этому заглушить. Академия художеств сейчас работает довольно активно. Мы открыли отделения Урал – Сибирь, Дальний Восток, сейчас открываем отделение в Саратове. На днях я встречался с во-

семнадцатью губернаторами. Среди них много интересных людей. Знаете, несмотря на все эти бесконечные разговоры о финансовом кризисе, мы с ними практически обо всем договорились. Мы ведь ни у кого не просим денег. Я твердо убежден (и боюсь, что здесь корень моих противоречий с некоторыми коллегами по искусству), что искусство может прокормить себя само. Нужно только не жалеть себя, уметь много и продуктивно работать. Очень многое, особенно за последние годы, разбазарили, упустили. Нужно собирать, уметь исползовать, хозяйствовать. У нас огромные художественные фонды, самая небольшая, но умело организованная выставка за границей может принести 300 – 400 тысяч долларов прибыли. Это не фантазия, я знаю, что это так. Летом прошла детская Олимпиада в Москве – это же Клондайк для желающих работать: дизайн, туризм, профессиональные обмены, масса сфер приложения сил и способностей. Много талантливых, но еще больше ленивых.

– Зураб Константинович, вы ведь очень известный на Западе человек, работали в 11 странах мира, многое создали, сотрудничали с таким гениальным архитектором, как О.Нимейер. Почему об этом так мало знают у нас в

стране? Скажем, когда кому-нибудь из выдающихся деятелей культуры присваивается звание "Посол доброй воли", обычно это сопровождается большим шумом в СМИ. Вам это звание было присвоено 5 лет назад, а в прессе тишина. В чем тут дело?

– А я и сам не знаю почему. Что же мне – на всех углах трезвонить об этом? Да и не в этом дело. Дело в творчестве. Художественное творчество – занятие, в значительной степени сокровенное. Мне ведь не заказывают работы, я их придумываю сам. Великое множество идей рождается и умирает. В этом, может быть, и заключается главный трагизм профессии. Чем дольше я живу, тем яснее понимаю: художник почти всегда фигура трагическая.

– Мы с вами так увлеклись разговором, что забыли об открывающейся выставке. Что вы хотели бы сказать о ней?

– Думаю, что о выставке следует говорить не до нее, а после. Я не собираюсь подводить итогов. Итоги подведут после нас. Просто набралось много работ: живопись, графика, поп-арт, эмаль, малая скульптура. Хочется показать их людям.

Беседу вел
Юрий БЕЛЯВСКИЙ

Основные монументальные работы:

Художественное решение курортного комплекса в Пицунде (Грузия). Мозаичные стелы и скульптурно-пространственные композиции. 1967 г. Мозаичный бассейн "Морское дно" в архитектурном ансамбле гостиницы "Венец" в Ульяновске (Россия). 1970 г. Рельефно-мозаичная композиция для Тбилисского автовокзала (Грузия). 1972 г. Монументальный ансамбль детского курортного городка в Адлере (Россия). 1973 г. Горельефная композиция из меди "Легенды Крыма" для фасада гостиницы "Ялта" в Ялте (Украина). 1978 г. Горельефный фриз из меди для фасадов киноконцертного зала гостиничного комплекса "Измайловое", Москва, 1980 г. Монумент "Человек и солнце". Тбилиси (Грузия), 1980 г. Мозаичные композиции и эмалевые панно для венгерского торгпредства в Москве. 1982 г. Общее художественное решение интерьеров Глазного центра С.Федорова и композиции в технике витража и эмали. Москва, 1983 г. Монумент "Дружба навеки", посвященный 200-летию Георгиевского трактата. Москва, 1983 г. Эмалевые панно "Куликовская битва" и "Отечественная война 1812 года" для интерьера Министерства обороны. Москва, 1984 г. Скульптурно-пространственная композиция "Святая Нина". Тбилиси (Грузия), 1988 – 1994 гг. Мемориальный комплекс на Поклонной горе. Общее художественно-дизайнерское решение Музея Великой Отечественной войны (интерьер и экстерьер), художественное убранство храма Георгия Победоносца, главный монумент Победы и скульптурная композиция "Трагедия народов". Москва, 1995 – 1996 гг. 5 крестов (1995 г.) и 12 бронзовых врат, исполненных в пластике высокого горельефа (1997 г.) для храма Христа Спасителя. Москва. Скульптурная композиция, венчающая главный вход на детскую игровую территорию Московского зоопарка, фланкирующие вход рельефы, мозаичное панно и садово-парковая скульптура. 1996 г. Скульптурная композиция "Древо сказок" для Московского зоопарка. 1996 г. Памятник "300 лет Российского флота" или "Петр I". Москва, 1997 г. Общее дизайнерское решение Манежной площади и интерьеров торгово-рекреационного комплекса "Охотный ряд". Мозаичное дно реки Неглинка, балюстрада набережной реки Неглинка, садово-парковая и фонтанная скульптура, фонари и часы мира. Москва, 1997 г.

Монументальные работы в странах дальнего зарубежья:

Соединенные Штаты Америки: Монумент "Наука, образование – миру" или "Прометей". Брокпорт, штат Нью-Йорк, 1979 г. Монумент "Добро побеждает зло". Нью-Йорк, 1990 г. Великобритания: Монумент "Разрушить стену недоверия". Лондон. 1989 г. Франция: Скульптурная композиция "Рождение нового человека", посвящена Христофору Колумбу. Коллекция ЮНЕСКО. Париж. 1994 г. Испания: Монументальная композиция "Рождение нового человека", посвящена Христофору Колумбу. Севилья, 1995 г. Другие монументальные и дизайнерские работы выполнены в Бразилии, Португалии, Японии (г. Осака и г. Токио), США, Сирии, Турции.